

СКАЗОЧНЫЕ ЛАРЧИКИ

ИЛЯНА СТАВИЦКАЯ

Иляна Ставицкая
Сказочные ларчики

«Издательские решения»

Ставицкая И. Ю.

Сказочные ларчики / И. Ю. Ставицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696962-9

«Сказочные ларчики» — не просто книга, а маленькая сокровищница, закрытая на замок. Но стоит тебе открыть книгу на нужной странице, как замок откроется сам собой. И перед тобой во всей своей красе развернутся диковинные сказки. Заглядывая в «Сказочные ларчики», ты, дорогой читатель, сможешь выбрать ларец по своему настроению и открыть любой, какой приглянется, ведь внутри каждого скрыто маленькое чудо. Я приглашаю тебя приоткрыть первый ларчик. Сказка уже ждет!

ISBN 978-5-00-696962-9

© Ставицкая И. Ю.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Ларчик первый бриллиантовый	7
Выкованное счастье	8
Ларчик второй рубиновый	12
Люси и восточный император	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сказочные ларчики

Ияна Ставицкая

© Ияна Ставицкая, 2026

ISBN 978-5-0069-6962-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей маленькой племяннице Ксении

От автора

Мой дорогой читатель!

Ты прикоснулся к волшебной тайне. Перед тобой сейчас во всей красе откроются «Сказочные ларчики». Ты держишь в руках не просто книгу, а маленькую сокровищницу.

Представь себе большой, искусно вырезанный деревянный сундук. Он расписан узорами, а внутри него – множество маленьких ларчиков. Каждый закрыт на затейливый замочек. Но стоит тебе открыть книгу на нужной странице, как замок откроется сам собой. И перед тобой во всей своей красе развернутся диковинные сказки.

Заглядывая в «Сказочные ларчики», ты, дорогой читатель, сможешь выбрать ларец по своему настроению и открыть любой, какой приглянется, ведь внутри каждого скрыто маленькое чудо.

Одна сказка светлая и искристая, как бриллиант чистой воды, другая – страстная и яркая, как рубин, третья, подобна загадочному александриту – искрится и меняет цвет, открывается с разных сторон. Как нет двух одинаковых драгоценных камней в сокровищнице, так и здесь нет одинаковых или похожих сказок. Чем разнообразнее сокровищница, тем она богаче. И в этом заключается главная драгоценность.

Я приглашаю тебя приоткрыть первую крышку. Сказка уже ждет!

Ларчик первый бриллиантовый

Выкованное счастье

Русь-Матушка, обогретая красным солнышком ко всем детям своим приветлива, каждому место найдется, да дело по душе. Так уж истари ведется, сама земля родимая человеку помогает. А он – ей.

Выйдешь в поле широкое, али в степь бескрайнюю, посмотришь вокруг, да обрадуешься. Перед тобой Волга-Волженька воды несет свои чистые. Вокруг тебя ветра шумят теплые, да добрые, птичьими голосами напитанные. А над тобой – небушко, глубокое такое, бездонное, конца и края не видать. Атам в самой вышине – куда и глазу не достать, жавороночек вьется, да так звонко разливается! И в песне его сказка слышится, добрая да мудрая.

Коль и сейчас прислушаешься, то весенним днем про зимушку услышишь, да про то как кузнец счастье выковал, да долюшку свою нашел. Закроешь глаза, лицо солнышку подставишь, мысли все ветру отдашь, да свободный душою сказку на сердце примешь. И возникнет перед тобой село славное, на крутом берегу реченьки выросшее, а на самом краю его – кузня уж дымится, дым ровнёхонько поднимается, да о хозяине своем рассказывает.

В старой кузнеце было темно и даже, казалось, мрачновато. Красные отблески печного огня плясали по стенам, словно облизывая их. Рослый, крутоплечий хозяин этого места сидел, задумавшись у крохотного оконца.

И еще никто из знакомых не встречал его в таком состоянии. Подперев крепкой рукой мудрую голову, Мефодий наблюдал за медленным снегопадом. Казалось, ничего тише этого не может быть в мире.

«Тише воды, ниже травы... Нет, снег всего тише и ниже. И так все укроет, прикроет, что и жить заново захочется, и жизнь-то всю свою переписать», – думалось кузнецу, разменявшему четвертый десяток.

Свет в окошке померк. Мефодий отпрянул от него, прикрыв глаза крепкой рукой:

– Тьфу ты, нечисть! – взглянул еще раз – никого не было. За дверь загрохотали – кто-то оббивал валенки от снега. Тяжелая дверь бесшумно распахнулась. Вместе с клубами морозного пара ввалился в тяжелом полушубке Василий – старый знакомый Мефодия, схожий с ним как родной брат.

– Ты почто пугаешь так?

– А чего тебе бояться?

– Так я думал, шутник какой зеркало к окошку поднес. Аж дрожь пошла.

– Ты до сих пор со страхом своим не попрощался? Мефодий, вон сколько врагов победил, сколько князюшка наград тебе дал за храбрость да удаль твою. А ты все стекляшки пустой боишься.

– Да не пустая она, в том-то и дело. Вспомни, что старая Меланья тогда сказала: «Как в зеркало глянешь, так самого себя увидишь. Настоящего. Только крепко подумай – готов ли к этому?».

– Ну и что тут страшного-то? Она и про цветок тебе говорила про счастливый. Не сбылись ее слова. Домыслы досужие все это.

– Страшно самому себе в глаза посмотреть. Так ведь и не известно в каком зеркале-то я себя настоящего увижу. А вдруг тьма тьмуца во мне живет, а я и не ведаю? А тут как взгляну... Я ж то зеркало, что на столе у нее лежало, после слов этих размахнулся, да разбил. Так об пол шваркнул, что даже рама витая железная – и та вдребезги. А про цветок... Да, про цветок старая Меланья тоже не много сказала. Говорит – счастлив будешь, коли цветок счастья отыщешь. А как его отыскать?

На что Мефодий к земле-матушке спокойно относился – любил работать на ней, но изысков не знал никаких – и то стал возле кузни то одно зернышко бросать, то горсть, то кустик какой притащит, прикопает.

По началу не приживалось ничего. Земля, видать, хорошо утопанная была. Потом, мальчишки, что заглядывать к нему в кузню любили, да за работой его понаблюдать, подмогли: грядку ему соорудили, навозцем удобрили, соломкой прикрыли. Хороша земля стала.

И стал с тех пор Мефодий за всю свою работу плату брать цветами. Мол, все сделаю. А вы со мной цветком дивным поделитесь. Много у него их выросло. Даже заморские семена ему князь привозил, за то, что подковы для коня любимого неснашиваемые выковал. А ни один цветок счастья не приносит. Радости много, а вот, что б счастье...

Место возле кузни на пригорке облюбовали и старушки бойкие, и старики белобородые, и молодички, что вечером от дел отдыхали, да мудрости у стариков набирались. А детишки так словно и не уходили отсюда.

Да и как уйдешь-то? И скамеечки ладные кузнец выковал, и кузня на пригорке стоит да вид на реку такой от нее открывается – кузнец всем красоту

близкую показал, сам того не ведая. И цветы круглый год цветут. Ну окромя зимы, разумеется. Зимой вся земля отдыхает, да сил во сне набирается.

Мефодий этим летом и кузню почти забросил – все за цветами своими ухаживал. Ждал пожелать пока из нового семечка диво-дивное проклюнется. И дождался. Ближе к осени, как жара-то поулеглась, расцвел у него цветок жарким цветом – как огонь в кузне. А как ветер подует лепестки-то большие – с ладонь кузнеца, да тонкие на удивление, что бумага оберточная – как заколышутся – ну точно пламя в печи от мехов разгорается.

И жила в той сторонке, что по над рекой широкой протянулась, девица, не по годам мудрая, да разумная. К кузне редко она приходила, все за Мефодием издали наблюдала. А работу его видела, да часто в руки брала – то грабли искусные он выкует для папеньки ее, то лопату какую, что сама копает, да земельку пуховой делает. А то прошлым летом косу самокосящую смастерил – идешь так по лугу, а травы перед косой словно сами расступаются, да у ног косца складываются...

И от брата Василия услышала она про печаль-кручину Мефодиеву. И решила помочь ему, да утешить. Показать, как нужен он, да дело его. В морозный день одна отправилась напрямиком в кузню, в скорости после брата. Валеночками легкими постучала, за дверную ручку потянула, да легонько зашла:

– Мефодиюшка, здравствуй!

А Мефодий снова призадумавшись сидел, гостью-то сразу и не заметил.

– Мефодий, дело у меня к тебе есть. Выкуй мне красоту такую, что во сне увидела. Да так захотелось мне, что б в руках ее подержать.

– Рассказывай.

– А пойдем я тебе на снегу ее начерчу, а то боюсь словами-то не распишу, не раскрашу что привиделось мне.

– Пойдем, – Мефодий усмехнулся, что, мол за блажь в голову Ефросинье пришла. Так вроде девица разумная, смысленная, трудолюбивая. Много раз он на рассвете видел, как в поле она с косой, то с корзиной по ягоды-по грибы идет, то белье полощет – как раз недалеко от кузни. И все для дела вроде инструменты Макарий Иванович, отец ее, у него заказывал. А тут сама пришла. – «Что за диво дивное», – думается кузнецу.

– Смотри, Мефодий, что хочу я. Цветок вот такой – с лепесточками, да с прожилочками, на солнышко маленькое похож что бы был. А в сердечке – ровно да пусто.

– Интересно, гляди как. Вот сон дивный! А для чего тебе забава такая? Тарелка какая будет под пироги али блюдо праздничное?

– Потом Мефодий скажу, потом. Как привезет мне папенька подарочек, так и скажу.

– Ну ладно, выкую

И занялся Мефодий цветком дивным. А он, словно сам из-под рук у него выходит, сам на свет Божий просится. Мастеру помогает – то так, то эдак вывернется, то сползет куда. А Мефодий пристукнет, приударит, глядишь там и завернулся лепесток. Да не как задумано, а как лучше.

И вот почти под Рождество готов был тот цветок. Своей работой кузнец аж сам залюбовался. А тут и Ефросинья подросла. Достает из-за пазухи платочек беленький, а из него зеркальце – кругленькое, ровненькое, словно блин на масленицу. И прямым в середку цветка вкладывает. Как раз пришлось, даже без примерки. Мефодий отшатнулся:

– Ты зачем зеркало-то принесла, окаянная?!

– Не сердись, друг мой милый, пойдем-ка на свет белый. Не пугайся ты слов Меланьи, разгадала я их

– Да ну?! Вот так диво!

Вышли Мефодий с Ефросиньей с кузни, а тут и на посиделки народ собрался. Да хотя, какие зимой посиделки?

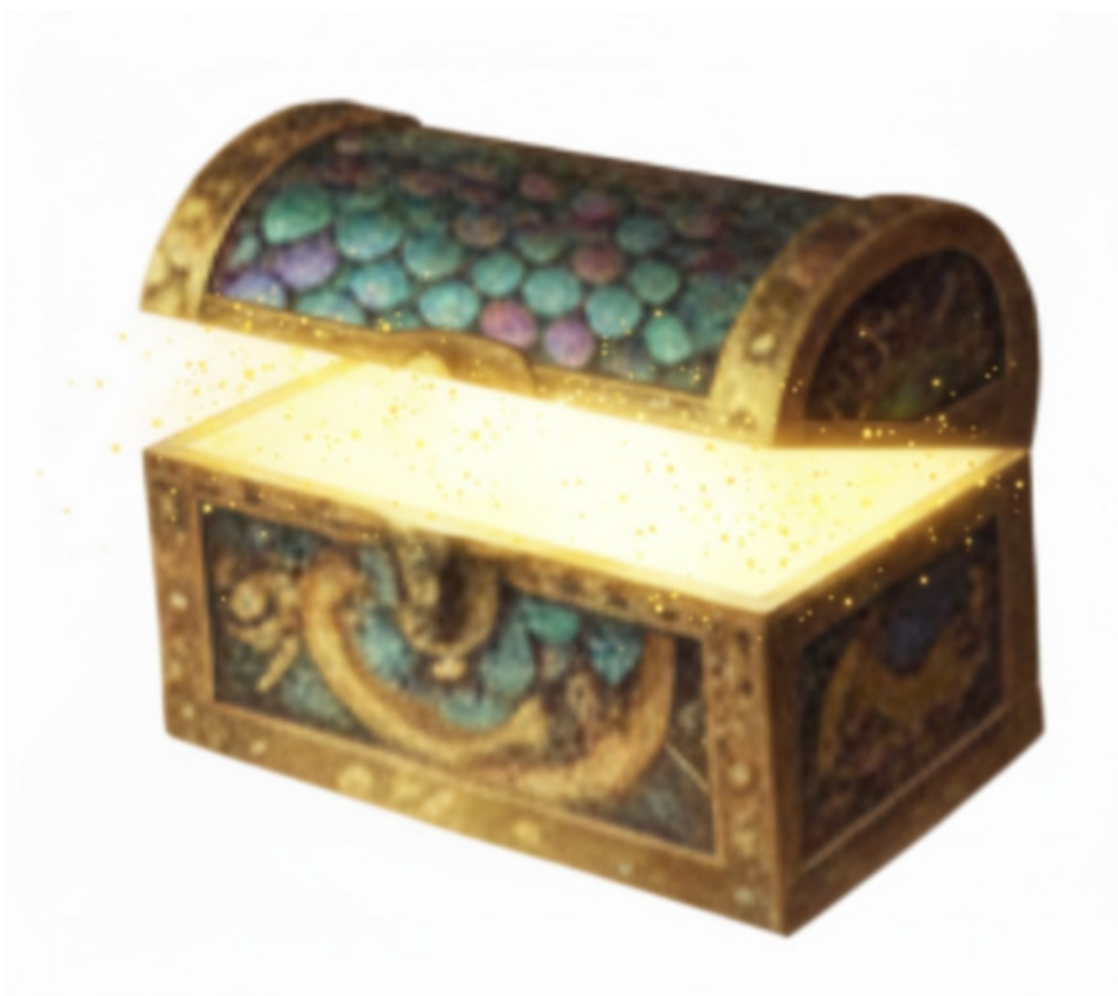
Лучше сказать – постоялки. Хоть мороз и не велик, да и стоять не велит.

– Посмотри, Мефодий, оглянись вокруг. Что в зеркале отразилось? Весь белый свет, весь люд честной, а собрал да объединил всех ты – настоящий, искусный, трудолюбивый, заботливый.

Подняла Ефросинья зеркальный цветок тот повыше, отразились они в нем с Мефодием, да люд сельский, родной, что вокруг собрался. Да деревенька вся их по над речкой. И так светло на душе у кузнеца стало.

Понял он слова-то те. И сам себя увидел. В свете истинном. И про цветок счастья понял, когда в руках творенье свое подержал. Вот она мудрость-то – делать то, что знаешь. Себе счастье растить, выковывать, да людей мастерством своим радовать.

Ларчик второй рубиновый

Люси и восточный император

Во дворце восточного императора было непривычно шумно. Слуги, зная его крутой нрав, попрятались. А сам император со странной заморской гостьей, одетой совсем по-простому, не для дворца, разговаривал в комнате, где висели картины. Редко кто удостоивался такой чести – разговаривать с императором именно там.

– Чудесная пара. Согласны? – Чунь-Хунь-Би чуть лукаво посмотрел на Люси.

– Не согласна! – выпалила девушка и тут же зажала рот ладонью. Только-только все наладилось, её не собираются казнить, а она противоречит капризному императору. Ох, и натура у нее!

– Отчего же? – Чунь-Хунь-Би повернулся в пол-оборота и уже более внимательно посмотрел на собеседницу.

Девушка еще раз посмотрела на стену, от пола до потолка увешанную разномастными картинами. Видимо, их порядок, размещение и соседство были известны лишь самому правителю. Люси никакой логики в этом не замечала. Она переводила взгляд сейчас с одной картины на другую – они висели впритык друг к другу и, если бы не рамы, то можно было подумать, что это одно произведение. На картинах были изображены стулья. Но до какой степени они смотрелись нелепо!

Люси вся внутренне подобралась, зажмурилась на пару мгновений и решила сказать всё как есть.

– Не всегда противоположности, если стоят рядом, дополняют друг друга. Зачастую это, наоборот, подчёркивает уродство прекрасного и совершенство убогого. Получается парадокс.

– Интересный взгляд, – теперь император развернулся и склонил голову, как птичка «Ах, отчего такие нелепые сравнения лезут в голову?», – подумалось Люси.

Император, задал новый вопрос, внимательно разглядывая девушку, словно увидел её впервые.

– А расскажите-ка мне Лю-ся, – Чунь-Хунь-Би так и не научился выговаривать имя гостьи, а может и пленницы, в совершенстве, – расскажите...

В этот момент что-то гроыхнуло, хлопнуло и, внезапно сорвавшись, картина со стульями полетела со стены прямо на беседующих о ней.

Казалось, время застыло, как узор на морозном окне и можно было взглядом отследить полет пылинки в свете солнечного луча. Но через секунду оглушающий грохот все расставил по своим местам.

Люси пришла в себя, осмотрелась. Вовремя они успели отскочить. Упавшая картина приземлилась аккурат на то место, где они только что стояли.

– Это знак, Лю-ся, – сказал император, который, кажется ни чуточки не испугался и вообще был непоколебимым, – Рассказывай дальше.

«Ух, и характер же! – подумала девушка, – Ну ничего, ты упертый, а я тоже не морской песок, не рассыплюсь. Я – кремень».

И она, выдохнув, распрямила плечи и, чуть прищурившись, задумчиво посмотрела на Чунь-Хунь-Би и сказала:

– В далекой белоснежной России, где метель сейчас укрывает города пуховым одеялом, где мороз на окнах рисует картины бытия, где ветер завывает словно старый одинокий волк...

– Вьолк? Кто такой ви-олк? – казалось, император был усыплен речью Люси, но непонятное слово вывело его из анабиоза.

– Волки похожи на огромных серых собак, которые настолько свободны, что дружат с полной луной и диким ветром. Они такие же свободные и дикие, как лошадь на твоей картине, – в этот момент девушка более внимательно всмотрелась в картину рядом с ней и словно

невидимые ниточки начали связывать ее с лошадей, нарисованной крупными широкими мазками. Люси смотрела на лошадь, лошадь косила глазом на Люси и мчалась куда-то, но своей развевающейся гривой передавала девушке силу и упорство.

– Ты расскажешь мне сказку, Лю-ся, про ви-олка? – повторил вопрос император.

Его собеседница мысленно улыбнулась, говорливая натура и здесь ей помогла.

– Как же я расскажу тебе, о великий Чухня? – тут Люси закашлялась, пытаясь справиться со смехом от того, как она переделала императорское имя.

Но Чунь-Хунь-Би, казалось не заметил этой заминки. Он сидел сейчас на своем троне и был похож не на грозного владыку, а на любопытного мальчишку – таким же когда-то был и кареглазый брат Люси Шурик, он тоже любил слушать истории по вечерам. А когда они подходили к концу, то во взгляде брата было столько мольбы и неумемного любопытства, что Люси зачастую сдавалась и рассказывала еще одну «уж на этот раз точно самую последнюю» историю.

Люси щедро сдабривала ее подробностями, да так, что порой уходила от сюжета, а братец в какой-то момент сладко засыпал, склонив голову на грудь.

Сидя спать не очень-то удобно. Поэтому Люси, продолжая словесно идти по тропинкам своей истории, мягко, но твердо приводила его в нужное положение, опускала на подушку и укрывала колючим одеялом в цветастом пододеяльнике. Одеяло она подтыкала со всех сторон, Шурик называл это «спать в гнездышке». Люси делала ему такое гнездышко, гладила вихрастую макушку и зачастую, не удержавшись, чмокала его в высокий лоб.

«Спи, шалопай!», – ласково шептала она и, пригасив светильник до самого минимума, легонько прикрыв дверь, выходила из детской. Впереди была еще бессонная половина ночи, когда нужно раскроить ткань, собрать воедино узор нового покрывала, примерить кружево – хватит ли? – и прикинуть работу на утро.

Казалось, еще вчера они сидели все вместе. Люси подбирал ткань для очередного одеяла. Разноцветные одеяла девушки знал весь городок Б***. Да и за его пределами они были хорошо известны. Зачастую на Покровскую или Рождественскую ярмарку приезжали даже швеи. Им не терпелось взглянуть на них и понять, что же такого они не могут сделать и что делает незнакомая девушка, раз стала настолько знаменитой.

Многие из них ехали в своих повозках, скептически поджав губы, думая: «И навоображают же люди тут! Просто она, видимо, молоденькая и хорошенькая, чем и привлекает покупателей. Неужто обычное лоскутное одеяло требует особых умений и искусства?»

Но потом, увидев, лоскутные одеяла Люси, замирали и долго не могли от нее отойти. А когда собирались домой, то обязательно уходили не с пустыми руками. Одно, а то и два, и три одеяла покупали, не торгуясь, те самые швеи. Может, приворожила незамысловатая красота, а может им хотелось детально все изучить. Бог их знает.

Казалось бы, и правда, лоскутное шитье не такое уж хитрое дело. Сиди, подбирай ткань по фактуре, да по цвету и выкладывай узор – линии цветные, кубики, а то и вовсе можно в разброс сделать, как цветочную россыпь на весеннем лугу.

Люси практически так и делала, но только вот выходили из-под ее рук дивные творения. То жар-птица смотри на тебя сквозь желто-красные квадраты, то конек-горбунок, то рыба-кит, то терем расписной появляется, а то и вовсе какое-нибудь чудо-чудное, диво-дивное, о котором только старики слыхали, да и то краем уха.

Как так это выходила, Люси и сама не знала. Она просто подбирала кусочки ткани – любила с узорами – складывала их то так, то сяк, примеряла как лучше будет. Часто он в этот момент рассказывала старые, известные, но от того еще более любимые, сказки. Про молодильные яблочки, про скатерть-самобранку, про ковер-самолет, про то, как добрый молодец ходил их добывать, про дороги дальние, да подвиги славные.

Рядом с ней на стареньких сундуках, обитыми полосками жести и накрытых полинялыми фуфайками, как пташки на веточках сидела детвора – Андрейка-меньшой, Андрейка-старшой, Митюнюшка, братец Шурка и лупоглазая шалунишка Нюся. Она была младше всех, к большим девчонкам не вписывалась, а хвостом ходила за Андрейкой – старшим сыном кузнеца. Их было четверо братьев, а Нюся – единственная девчонка. И если братьям Андрейка спуску не давал, то Нюсе позволялось если не все, то уж точно многое.

И когда шел Андрейка к Шурке, то Нюся, точно зная наперед, куда он собирается шла с ним. Светлая головка как одуванчик, огромные глазища, их точно глазками нельзя назвать, розовые пухлые щечки и губки бантиком – «и в кого такая красота уродилась?» недоумевали многие в округе. Мать Анисья была обыкновенной, хоть и с милovidными чертами лица. Высокая статная женщина с русой толстой косой через плечо. Отец Мефодий – крепкий плечистый мужик, косая сажень в плечах с большими глазами и густой бородой.

Казалось, Нюся собрала в себе все самое лучшее, что было в родителях и предках. А вот характер чуть-чуть подкачал.

«Не гоже девке такой боевой, да стоеросой быть», – частенько приговаривал дед Трофим, глядя как Нюська ловко расправляется с обидчиками, даже не призывая на помощь братьев.

– Радоваться надо, дед Трофим, – смеялся в бороду отец Мефодий.

И вот эта самая Нюся, гроза всех мальчишек ее возраста, так тихохонько да смирнѣхонько сидела возле Люси и во все глаза наблюдала за ее работой. Куда руки девушки – туда и взгляд девчушки.

Андрейка ее не угадывал и тихонько посмеивался: «И на нашу Нюську управа нашлась».

А когда лоскуты были подобраны, Люси садилась их «наживлять» – сшивать огромными стежками самой яркой ниткой между собой, чтобы было видно, как потом все будет смотреться. Потом одним взглядом да легким взмахом руки давала понять детворе, что ей нужен сундук. Открывала его, а гости замирали – столько уж в нем было чудес. А внутри на крышке было два портрета – кучерявый мужчина с добродушным взглядом и женщина с толстой косой над высоким лбом, смотревшая слегка устало, но с большой любовью на всех.

Люси не очень любила этот момент и старалась побыстрее достать ткань, часто даже особо ее не разглядывая. И так получалось, что всегда она была самая подходящая. Разворачивал рулон, расстилала его, отрезав нужный кусок, нагревала утюг с угольками на горячей печке, гладила.

А потом, поднималась, потягивалась, начинала собирать на стол – пора было кормить детвору, да говорить Шурке, чтоб провожал по домам. Зима нынче лютая, мороз к вечеру крепчал. А завтра рано вставать – собираться на субботнюю ярмарку.

Вспомнив о брате, Люси еще раз посмотрела на императора, на картину, пышущую эмоциями. Ей передались и лошадиный гнев, и мощь железного противника. Но что это? Ей кажется или лошадь на самом деле подмигнула ей? Подала сигнал? Если это так, то значит Люси на правильном пути и все идет так, как надо, хоть и действует она по наитию.

– О великий Чунь-Хунь-Би, больше ни одной истории ты от меня не услышишь.

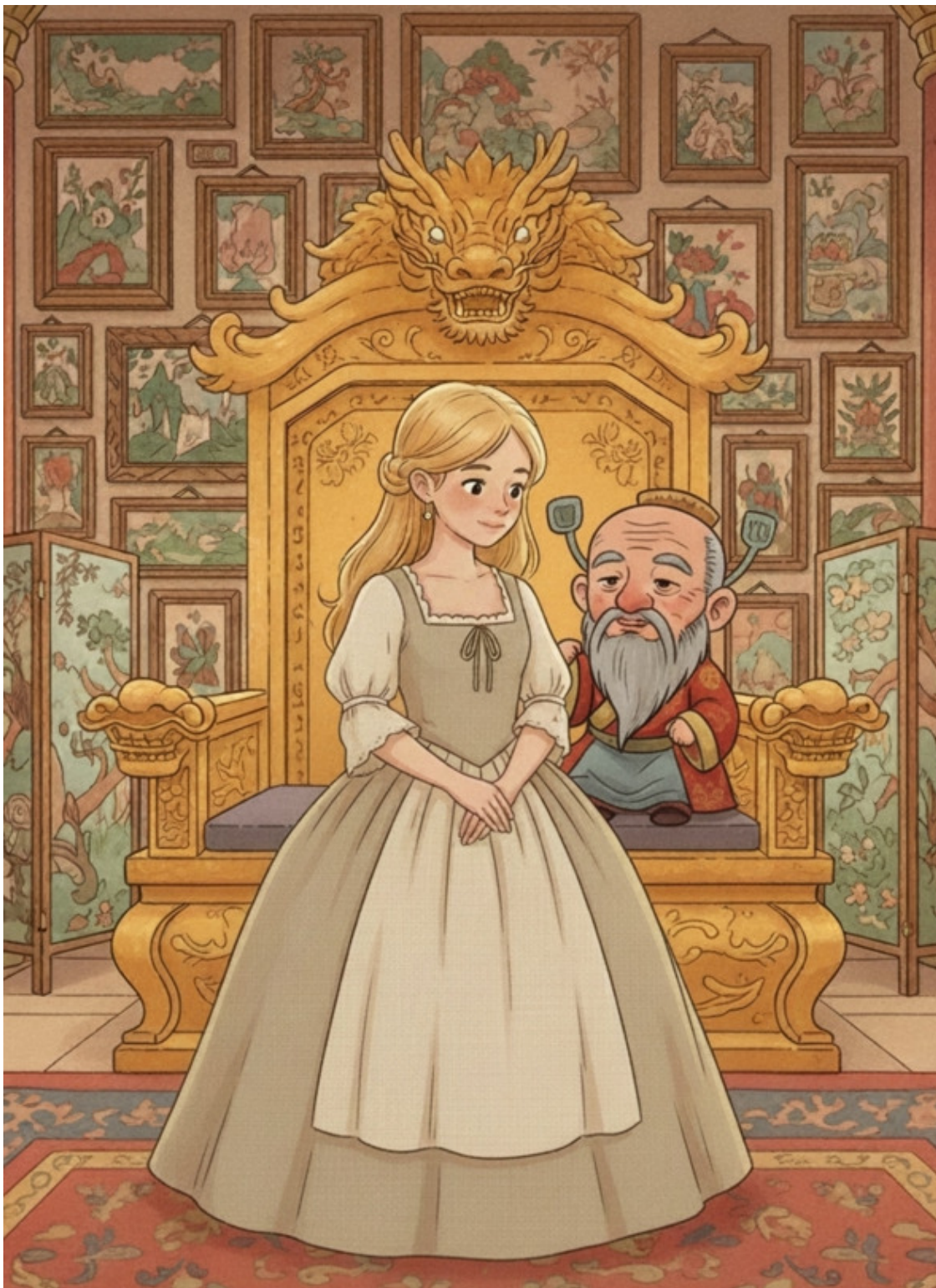
– Лю-сья! – император только поднял бровь и голову, а казалось, начали сотрясаться стены от его гнева и грома, хотя голос он совсем не повысил.

Девушка внутренне немного сжалась, словно по привычке, но потом гордо расправила плечи и подняла подбородок, словно с нее сейчас писали портрет.

– Ни. Одной. Истории. – тоже ровно и отчетливо, делая паузы, произнесла она. В какой-то момент промелькнула мысль: «Если бы хотел казнить – сделал бы это сразу. А сейчас уже вряд ли. Так что терять нечего. А свое найти нужно».

– Вот как? – брови императора тоненькие, почти нарисованные, стали похожи на мостики из книги со старой сказкой про волшебное кольцо.

Люси ничего не ответила, но продолжала смотреть Чунь-Хунь-Би прямо в глаза.

– А ты смелая, Лю-сья. То ли тебе терять нечего, то ли тебе что-то нужно, – император склонил голову влево и стал похож на лукавого соседского кота, который по утрам выпрашивал у девушки парное молоко.

Люси вдруг внезапно заметила справа от трона Чунь-Хунь-Би огромное полотно. Оно было знакомым. Кажется это «Битва Масленицы и Поста». Где-то она его уже видела.

Не в доме ли городничего, жене которого она недавно приносила вышитые на заказ подушечки-думочки?

Фигуры на картине стали такими отчетливыми, словно ожили и начали двигаться, хоть и были далековато от невольной зрительницы. И про каждую, про каждую из них Люси могла рассказать историю.

Это же так ей близко и знакомо. Все то, что неведомый ей художник запечатлел на холсте, она каждый год видела воочию на Масленичных гуляньях. Она подумала об этой моральной битве и сравнила ее с той, что невидимо происходила сейчас между ней и китайским императором.

!Мы друг другу нужны сейчас. Моя казнь сейчас не нужна никому. Эх, была не была! Скажу!» – этими мыслями девушка шумно втянула носом воздух, который сейчас отчего-то стал гуще и насыщеннее. Казалось, что его в тронном зале сейчас можно было зачерпнуть большой ложкой или пить как кисель. А потом, выпустив тонкой струйкой выдох через трубочку губ отчетливо произнесла:

– Шурка.

– Шь-юрка? Шку-рка? – сморщился император, пытаясь повторить за Люси неведомое слово.

– Шурка, – девушка быстро продолжила, словно боялась, что ей не хватит смелости духа завершить начатое. – В твоём дворце мой брат Шурка. Верни мне его. А я... Я оставлю тебе свой голос.

Люси замолчала и посмотрела прямо на Чунь-Хунь-Би. Смотрела она без страха, без укора, без мольбы. Император отчего-то смутился под ее взглядом.

– Надо подумать, Лю-ся. Я очень хочу, чтоб твои истории жили в моем дворце, – император помолчал несколько мгновений, которые Люси показались вечностью, а потом с большим сожалением продолжил: – Но я не могу их обменять на то, чего у меня нет.

– Я не прошу у тебя того, чего нет. Я прошу только вернуть моего Шурку.

– Шьюр-ку? Да кто же это? Что за Шь-юрка? – китайский правитель не был похож на хитреца или обманщика и сейчас на самом деле пытался понять, что от него хочет эта странная и такая загадочная русская душа. Откуда у него возьмется то, что она называет таким странным словом? Вот уж поистине велик и загадочен русский язык!

В тронном зале воздух постепенно становился мягче, густота исчезала, напряжение тоже. Люси поняла, что император тоже человек, причем нормальный, а не такой грозный и суровый, каким он хочет казаться. Она даже не знала, что ей сейчас предпринять и поэтому, не поворачиваясь головы только водила глазами, переводя взгляд с одной картины на другую. Стены здесь отчего-то напоминали ей родной дом, а точнее, то, чем она там занималась. Каждая картина была словно лоскуток, который Люси прилаживала, чтоб получить дивный узор.

На ум начали приходить слова, которые когда-то ей говорили самые дорогие и близкие люди в ее семье. Эти слова ее всегда поддерживали и давали силу. И Люси щедро делилась этой силой, вплетая слова красной нитью, вышивая их по краям своих готовых уже одеял. «С ремеслом люди не родятся, а добытым ремеслом гордятся». Это она помнила с детства.

«Штопай дыру пока не велика», – говорила седая прабабушка Марфа, когда Люси рассказывала ей о каких-то сложностях или трудностях, даже не связанных с рукоделием.

«Дело мастера боится», – дед Онфим гладил внучку по светлой головушке, когда она волновалась, боясь что-то начать или сделать не так.

«К чему душа лежит, к тому и руки приложатся», – шептала ей на ушко крестная Лукерья, когда Люси не могла определиться с тем, что и как ей сделать.

А когда она горько рыдала над первыми одеялами, которые вышли не так как ей думалось, то на помощь пришел дед Микола, сказав: «Кто не работает, тот не ошибается». Это девушка запомнила крепко-накрепко.

«Рукам – работа, душе – праздник», – а эти слова бабушки Дарьи, Люси носила всегда с собой, словно вышитыми на сердце. Они ее всегда спасали. Спасли и сейчас. Справа от императора висела картина с лоскутным одеялом. Только было оно необычное – не квадраты в нем соединялись, а ромбы. «Это знак!» – подумала девушка.

– Полно мотать, пора узел вязать, – сказала она. – Великий Чунь-Хунь-Би, что же ты решил?

Император помолчал, потом негромко что-то сказал на своем языке и тут же в комнате из ниоткуда появился тощий человек с большими усами, большими глазами и абсолютно лысый. Он непрестанно кланялся, когда шел к императору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.